

В редакции иллюстрированного двухдекадника "Приключенческое дело" ощущалась нехватка художественных произведений, способных приковать внимание молодежного читателя.

Были кое-какие произведения, но все не то. Слишком много было в них слюнявой серьезности. Сказать правду, они омрачали душу молодежного читателя, не приковывали. А редактору хотелось именно приковать.

В конце концов решили заказать роман с продолжением.

Редакционный скороход помчался с повесткой к писателю Молдаванцеву, и уже на другой день Молдаванцев сидел на купеческом диване в кабинете редактора.

- Вы понимаете, - толковывал редактор, - это должно быть интересно, свежо, полно интересных приключений. В общем, это должен быть советский Робинзон Крузо. Так, чтобы читатель не мог оторваться.

- Робинзон - это можно, - кратко сказал писатель.

- Только не просто Робинзон, а советский Робинзон.

- Какой же еще! Не румынский!

Писатель был неразговорчив. Сразу было видно, что это человек дела.

И действительно, роман поспел к условленному сроку. Молдаванцев не слишком отклонился от великого подлинника. Робинзон так Робинзон.

Советский юноша терпит кораблекрушение. Волна выносит его на необитаемый остров. Он один, беззащитный, перед лицом могучей природы. Его окружают опасности: звери, лианы, предстоящий дождливый период. Но советский Робинзон, полный энергии, преодолевает все препятствия, казавшиеся непреодолимыми. И через три года советская экспедиция находит его, находит в расцвете сил. Он победил природу, выстроил домик, окружил его зеленым кольцом огородов, развел кроликов, сшил себе толстовку из обезьяньих хвостов и научил попугая будить себя по утрам словами: "Внимание! Сбросьте одеяло, сбросьте одеяло! Начинаем утреннюю гимнастику!"

- Очень хорошо, - сказал редактор, - а про кроликов просто великолепно. Вполне своевременно. Но, вы знаете, мне не совсем ясна основная мысль произведения. - Борьба человека с природой, - с обычной краткостью сообщил Молдаванцев.

- Да, но нет ничего советского.

Na redação da revista quinzenal ilustrada *Temas de Aventura*, sentiu-se a falta de obras artísticas que fossem capazes de prender a atenção do leitor jovem.

Havia algumas obras, mas nenhuma delas era ideal. Eram por demais melosas e sérias. Para falar a verdade, elas mais perturbavam o espírito do leitor jovem que prendiam a sua atenção. E o redator queria justamente algo que prendesse.

No fim das contas, decidiram encomendar um romance em série. O mensageiro da redação voou com um recado até a casa do escritor Moldavântsev, e já no dia seguinte Moldavântsev encontrava-se sentado no luxuoso sofá do escritório do redator.

— Tem que ser interessante — explicou o redator —, atual, cheio de aventuras interessantes, compreende? Resumindo, tem que ser um Robinson Crusoe soviético. E que o leitor não consiga largá-lo.

— Um Robinson Crusoe eu consigo fazer — disse brevemente o escritor.

— Mas não simplesmente um Robinson Crusoe: um Robinson Crusoe soviético.

— E que mais poderia ser? Romeno é que não seria.

O escritor era taciturno. Logo se notava que era um homem de negócios.

E de fato o romance ficou pronto no prazo estipulado. Moldavântsev não se afastou muito do grande original. Robinson Crusoe é Robinson Crusoe.

Um jovem soviético sobrevive a um naufrágio. As ondas o levam até uma ilha desabitada. Ele está sozinho, indefeso, face a face com a poderosa natureza. Está cercado de perigos: feras, cipós, a iminente estação das chuvas. Mas o Robinson Crusoe soviético, repleto de energia, vence todos os obstáculos que pareciam intransponíveis. E, depois de três anos, uma expedição soviética o encontra, encontra-o no auge de suas forças. Ele venceu a natureza, construiu uma casinha, rodeou-a com um círculo verdejante de hortas, criou coelhos, costurou com rabos de macaco um roupão estilo Tolstói e ensinou um papagaio a acordá-lo de manhã com as palavras: "Atenção! Pulem da cama, pulem da cama" Vamos começar a ginástica matinal!"

— Muito bom — disse o redator —, a parte dos coelhos é simplesmente magnífica. Bastante oportuna. Mas não ficou muito claro para mim qual é a ideia essencial da obra, sabe?

— A luta do homem com a natureza — declarou Moldavântsev com sua habitual brevidade.

- А попугай? Ведь он у меня заменяет радио. Опытный передатчик.
- Попугай - это хорошо. И кольцо огорода хорошо. Но не чувствуется советской общности. Где, например, местком? Руководящая роль профсоюза?

Молдаванцев вдруг заволновало. Как только он почувствовал, что роман могут не взять, неразговорчивость его мигом исчезла. Он стал красноречив.

- Откуда же местком? Ведь остров необитаемый?

- Да, совершенно верно, необитаемый. Но местком должен быть. Я не художник слова, но на вашем месте я бы ввел. Как советский элемент.

- Но ведь весь сюжет построен на том, что остров обита...

Тут Молдаванцев случайно посмотрел в глаза редактора и запнулся. Глаза были такие веселые, такая там чувствовалась мартовская пустота и синева, что он решил пойти на компромисс.

- А ведь вы правы, - сказал он, подымая палец. - Конечно. Как это я сразу не сообразил? Спасаются от кораблекрушения двое: наш Робинзон и председатель месткома.

- И еще два освобожденных члена, - холодно сказал редактор.

- Ой! - пискнул Молдаванцев.

- Ничего не ой. Два освобожденных, ну и одна активистка, сборщица членских взносов.

- Зачем же еще сборщица? У кого она будет собирать членские взносы?

- А у Робинзона.

- У Робинзона может собирать взносы председатель. Ничего ему не делается.

- Вот тут вы ошибаетесь, товарищ Молдаванцев. Это абсолютно недопустимо. Председатель месткома не должен размениваться на мелочи и бегать собирать взносы. Мы боремся с этим. Он должен заниматься серьезной руководящей работой.

- Тогда можно и сборщицу, - покорился Молдаванцев. - Это даже хорошо. Она выйдет замуж за председателя или за того же Робинзона. Все-таки веселей будет читать.

- Sim, mas não há nada de soviético.

- E o papagaio? No meu texto ele faz as vezes de rádio. É um transmissor experimental.

- O papagaio está bom. O círculo de hortas também está bom. Mas não dá pra sentir a realidade social soviética. Onde está, por exemplo, o Comitê Regional? O papel de vanguarda do sindicato?

Moldavântsev subitamente agitou-se. Assim que ele sentiu que o romance poderia não ser aceito, seu ar taciturno desapareceu instantaneamente. Ficou eloquente.

- Mas que Comitê Regional, se a ilha é desabitada?

- Sim, você está inteiramente certo, é desabitada. Mas tem que haver um Comitê Regional. Não sou nenhum artífice das palavras, mas no seu lugar eu colocaria. Como um elemento soviético.

- Mas o argumento está todo baseado no fato da ilha ser desabi...

Nesse momento, Moldavântsev olhou casualmente nos olhos do redator e hesitou. Aqueles olhos tinham um tom tão primaveril, sentia-se tanto neles o vazio e o azul de março que ele decidiu tentar um meio-termo.

- Mas você está certo - disse ele com o dedo em riste. - É claro. Como eu não percebi isso antes? Dois se salvam do naufrágio: o nosso Robinson e o presidente do Comitê Local.

- E também dois membros do Comitê - disse friamente o redator.

- Ai! - gemeu Moldavântsev.

- Que "ai", que nada. Dois membros, e ainda uma militante, uma coletora de contribuição partidária.

- Mas para que uma coletora? De quem ela vai recolher as contribuições?

- Do Robinson Crusoe.

- A contribuição do Robinson Crusoe o presidente pode recolher. Ele não está fazendo nada.

- Aí é que você se engana, camarada Moldavântsev. Isso é absolutamente inadmissível. O presidente do Comitê Local não pode perder seu tempo com ninharias, recolhendo contribuições. Nós lutamos contra isso. Ele tem que conduzir um trabalho sério de administração.

Ильф и Петров - Как создавался Робинзон Ilf e Petrov - Como Robinson foi criado

- Не стоит. Не скатывайтесь в бульварщину, в нездоровую эротику. Пусть она себе собирает свои членские взносы и хранит их в негосударственном шкафу.

Молдаванцев заерзал на диване.

- Позвольте, негосударственный шкаф не может быть на необитаемом острове!

Редактор призадумался.

- Стойте, стойте, - сказал он, - у вас там в первой главе есть чудесное место. Вместе с Робинзоном и членами месткома волна выбрасывает на берег разные вещи...

- Топор, карабин, бусоль, бочку рома и бутылку с противоязвенным средством, - торжественно перечислил писатель.

- Ром вычеркните, - быстро сказал редактор, - и потом, что это за бутылка с противоязвенным средством? Кому это нужно? Лучше бутылку чернил! И обязательно негосударственный шкаф.

- Дался вам этот шкаф! Членские взносы можно отлично хранить в дупле баобаба. Кто их там украдет?

- Как кто? А Робинзон? А председатель месткома? А освобожденные члены? А лавочная комиссия?

- Разве она тоже спаслась? - трусливо спросил Молдаванцев.

- Спаслась.

Наступило молчание.

- Может быть, и стол для заседаний выбросила волна?! - ехидно спросил автор.

- Не-пре-мен-но! Надо же создать людям условия для работы. Ну, там графин с водой, колокольчик, скатерть. Скатерть пусть волна выбросит какую угодно. Можно красную, можно зеленую. Я не стесняю художественного творчества. Но вот, голубчик, что нужно сделать в первую очередь - это показать массу. Широкие слои трудящихся.

- Então podemos colocar também a coletora - resignou-se Moldavântsev. - É até bom. Ela vai se casar com o presidente ou com o próprio Robinson. De qualquer maneira a leitura ficará mais agradável.

- Melhor não. Não vamos recair em literatura barata, num erotismo pouco salutar. Deixe que ela colete as contribuições e guarde tudo num cofre-forte.

Moldavântsev começou a remexer-se no sofá.

- Perdão, não pode haver um cofre-forte numa ilha desabitada!

O redator ficou pensativo.

- Espere, espere - disse ele. - Lá no primeiro capítulo poderia haver um trecho maravilhoso. Junto com Robinson Crusoe e com os membros do Comitê Local, a maré traz até a praia diversos objetos...

- Um machado, uma carabina, uma bússola, um barril de rum e uma garrafa com suplementos contra escorbuto - enumerou triunfante o escritor.

- Tire o rum - disse rapidamente o redator -, e além disso, que coisa é essa de garrafa de suplementos contra o escorbuto? Quem precisa disso? É melhor uma garrafa de tinta! E o cofre-forte sem falta.

- Mas você só fala nesse cofre! As contribuições podem perfeitamente ser guardadas no oco de um baobá. Quem vai roubá-las de lá?

- Como assim "quem"? E o Robinson Crusoe? E o presidente do Comitê? E os membros do Comitê? E a comissão de aquisição de materiais?

- Então ela também se salvou? - perguntou acanhadamente Moldavântsev.

- Sim, se salvou.

Fez-se um silêncio.

Será que uma mesa para reuniões também não foi trazida nessas ondas? - perguntou sarcasticamente o autor.

- Волна не может выбросить массу, - заупрямился Молдаванцев. - Это идет вразрез с сюжетом.

Подумайте! Волна вдруг выбрасывает на берег несколько десятков тысяч человек! Ведь это курам на смех.

- Кстати, небольшое количество здорового, бодрого, жизнерадостного смеха, - вставил редактор, - никогда не помешает.

- Нет! Волна этого не может сделать.

- Почему волна? - удивился вдруг редактор.

- А как же иначе масса попадет на остров? Ведь остров необитаемый?!

- Кто вам сказал, что он необитаемый? Вы меня что-то путаете. Все ясно. Существует остров, лучше даже полуостров. Так оно спокойнее. И там происходит ряд занимательных, свежих, интересных приключений. Ведется профработа, иногда недостаточно ведется. Активистка вскрывает ряд неполадок, ну хоть бы в области собирания членских взносов. Ей помогают широкие слои. И раскаявшийся председатель. Под конец можно дать общее собрание. Это получится очень эффектно именно в художественном отношении. Ну, и все.

- А Робинзон? - пролепетал Молдаванцев.

- Да. Хорошо, что вы мне напомнили. Робинзон меня смущает. Выбросьте его совсем. Нелепая, ничем не оправданная фигура нытика.

- Теперь все понятно, - сказал Молдаванцев грубоватым голосом, - завтра будет готово.

- Ну, всего. Творите. Кстати, у вас в начале романа происходит кораблекрушение. Знаете, не надо кораблекрушения. Пусть будет без кораблекрушения. Так будет занимательней. Правильно? Ну и хорошо. Будьте здоровы!

Оставшись один, редактор радостно засмеялся.

- Наконец-то, - сказал он, - у меня будет настоящее приключенческое и притом вполне художественное произведение.

— É im-pre-te-rí-vel! Afinal é preciso criar as condições para as pessoas trabalharem. Ah, e também uma garrafa d'água, uma campainha, uma toalha de mesa. A toalha que a maré traz pode ser qualquer uma. Pode ser vermelha, pode ser verde. Não vou limitar a liberdade artística. Mas o que é preciso fazer em primeiro lugar, eu querido, é mostrar a massa. As camadas populares e os trabalhadores.

— As ondas não podem trazer a massa — teimou Moldavântsev. — Isso vai de encontro ao argumento.

Imaginem! A maré de repente lança na praia algumas dezenas de milhares de pessoas! É de matar de rir.

— Afinal, uma pequena dose de riso saudável, de bom humor e jovialidade — declarou o redator — não faz mal a ninguém.

— E de que outra maneira a massa iria parar na ilha? Se a ilha é desabitada?!

— Mas quem foi que disse que é desabitada? Você está me confundindo. Está tudo muito claro. Existe uma ilha, ou melhor, uma península. Assim fica mais fácil. E lá ocorre uma série de aventuras divertidas, atuais e interessantes. O trabalho sindical lá às vezes é conduzido de maneira insatisfatória. A militante denuncia uma série de irregularidades, ou pelo menos algumas, no recolhimento das contribuições. Ela é ajudada pelas camadas populares. E pelo presidente arrependido. Perto do final pode ocorrer uma assembleia geral. O que vai ser muito efetivo precisamente no que se refere ao aspecto artístico. Bem, é isso.

— E o Robinson Crusóé?

— Sim. Bem lembrado. Esse Robinson Crusóé está me incomodando. Tire-o de uma vez. Uma figura absurda e despropositada, um choramhão.

— Agora ficou tudo esclarecido — disse Moldavântsev com uma voz sepulcral. — Ficará pronto amanhã.

— Pois bem. Crie. Aliás, no início do seu romance acontece o naufrágio. Sabe, não precisa do naufrágio. Que seja sem naufrágio. Assim fica mais divertido. Não é? Então está bem. Cuide-se!

Ao ficar sozinho, o redator pôs-se a rir alegremente.

— Finalmente — disse ele —, terei uma obra de aventura, e ainda por cima plenamente artística.

(1933)

Tradução de Lucas Simone